

С. К. Цатурова

**ПОД СЕНЬЮ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО:
ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МОНАРХИЧЕСКОГО
КУЛЬТА ВО ФРАНЦИИ**

Проблема этики и морали как важнейших факторов в развитии политических процессов, в том числе в становлении монархического государства, все еще не в полной мере учитывается в современной историографии. Между тем такой ракурс органично вытекает из кардинального обновления исторического знания, обозначившегося в мировой историографии с середины XX в. под влиянием направления исторической антропологии. Благодаря новому пониманию взаимосвязи материи и духа, раскрытому в трудах представителей Школы «Анналов» и их последователей, стало возможным и весьма продуктивным обращение на новом уровне к сознанию человека как фактору исторического процесса. Этот эпистемологический поворот существенно обновил и область политической истории, а включение проблем сознания, этики и морали в ткань политической истории открыло новые перспективы исследований.

В отечественной историографии этот путь был проложен трудами А. Я. Гуревича, с 60-х гг. XX в. обратившегося к проблемам социальной психологии и духовной культуры как структурообразующим факторам развития средневекового общества¹. На этом

---

¹ Об обновлении отечественной медиевистики и новых подходах к сфере политической истории см. подробнее: *Хачатурян Н. А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 268–285.

© С. К. Цатурова, 2016

пути в отечественной медиевистике были бесспорные победы. Так, культура и сознание средневекового человека заняли достойное место в коллективных трудах исследовательской группы «Власть и общество», руководимой Н. А. Хачатурян с 1992 г.² Особое внимание в этих трудах концентрировалось на конструктивной роли политического фактора в общественном развитии и на его динамическом взаимодействии с областью этики, сознания и культуры власти. В ряду отечественных историков, внесших большой вклад в понимание природы сознания средневекового человека, а также роли этики и морали в общественно-политической мысли позднесредневековой Франции, нельзя не упомянуть труды Ю. П. Малинина. В его монографии и статьях убедительно показано, насколько этический и нравственный компонент был структурообразующим элементом и в ученой политической мысли, и в правовых теориях, и в массовом сознании³.

Потенциал этого ракурса исследований в области политической истории мне бы хотелось продемонстрировать на материале складывания централизованного государства и связанного с этим процессом возникновения монархического культа во Франции в позднее Средневековье, а конкретнее, обозначить вклад короля Людовика IX Святого в этот процесс.

Монархия как тип авторитарной, самодержавной власти была неотделима от персоны правителя и, в целом, от личностного компонента в принципах доминирования. Однако этот аспект надолго был отодвинут на второй план в историографии, которая в XIX в. решительно отошла от изначальной истории королей и правлений

---

² Двор монарха в средневековой Европе: Явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. М.; СПб., 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004; Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006; Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2008; Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. и сост. Н. А. Хачатурян. М., 2011; Этнос и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Под ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015.

³ Малинин Ю. П. Франция в эпоху позднего Средневековья. Материалы научного наследия / Сост., отв. ред. М. В. Аникиев, А. Ю. Карачинский, В. В. Шишкин. СПб., 2008.

и обратилась к истории государственных институтов. Новое понимание роли чувств и морали в построении и функционировании власти пришло лишь во второй половине XX в. Так, американский историк Дж. Стрейер, написав в 1970 г. книгу о средневековых истоках современного государства, подчеркивал значение чувств и лояльности граждан страны как единственной гарантии стабильности власти. Более того, длительность функционирования государственных институтов свидетельствует, по его мнению, о принятии людьми их власти, о завоевании ими морального престижа и авторитета. В еще большей мере моральный авторитет был необходим монарху, который должен был перетянуть на свою сторону симпатии жителей королевства и доказать преимущества своего правления⁴. Конструктивную роль «символического капитала» власти подчеркивали и социологи, рассматривая его как важнейший фактор утверждения, легитимации и поддержания принципов доминирования⁵.

В особенности на первом этапе построения централизованного государства, когда инструментарий властвования был чрезвычайно ограничен, личные достоинства короля обеспечивали и усиливали, если не гарантировали, легитимность его власти, как и власть подчиненных ему государственных институтов⁶. Показательно в этом контексте, что государство, изначально опиравшееся как на «властный капитал» на моральный авторитет государя, в эпоху абсолютизма, уже обладая разветвленным государственным аппаратом управления, не только не ослабило, но, напротив, существенно трансформировало и даже усилило моральный компонент власти. Так, при помощи возрождения культа Людовика Святого в начале правления Людовика XIII вырабатывалась новая морализаторская идеология абсолютизма, где центральное место отводилось нравственным достоинствам

---

⁴ Strayer J. R. Les origines médiéval de l'État moderne. Paris, 1979. P. 15–22.

⁵ Наиболее ценными в этом плане являются труды французского социолога Пьера Бурдьё. См.: Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.

⁶ Об этом см.: Guenée B. L'Occident aux XIVe et XVe siècles. Les États. Paris, 1993. P. 137.

государя, этико-религиозной основе его действий, защите им прав и свобод корпораций и людей⁷.

Неустрашимый личностный принцип монархической власти подразумевал аффективные связи между персоной короля и подданными — опорой на чувства, эмоции, на приятие людьми власти государя. В этом контексте становится понятно, почему персона монарха всегда была в центре политической мысли Средневековья, несмотря на стремительный процесс складывания королевского аппарата управления. Личные качества монарха многое определяли в сфере политики, и потому все трактаты о власти так или иначе были обращены к самому монарху, представляя собой «зеркала государя»⁸. Равным образом, личные достоинства государя вносили вклад в процесс складывания монархического культа как неотъемлемой составляющей государственного строительства.

В становлении французской монархии фигура Людовика IX Святого представляется мне ключевой. Важно подчеркнуть при этом, что в историографической традиции личность этого короля и его деятельность оценивались далеко неоднозначно. В качестве примера недооценки вклада Людовика Святого в построение сильного монархического государства приведу слова Шарля-Виктора Ланглуа, написавшего для издания «Большого Стиля» — для «Истории Франции в Средние века» под редакцией Эрнеста Лависса, ставшей классикой французской историографии, — том, посвященный Людовику IX Святому. Он посчитал этого монарха пустым мечтателем, идеалистом на троне, а все его правление — передышкой между двумя великими этапами, временем Филиппа II Августа и Филиппа IV Красивого. Как снисходительно замечает Ланглуа, Франция могла себе позволить такое безответственное правление между этими двумя «прорывами»⁹.

⁷ Bourreau A. Les enseignements absolutistes de Saint Louis, 1610–1630, in: *La Monarchie absolutiste et l'histoire en France: Théories du pouvoir, propagandes monarchiques et mythologies nationales*: Colloque tenu en Sorbonne les 26–27 mai 1986. Paris, 1987. P. 79–99.

⁸ Цатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012. С. 127–142.

⁹ Langlois Ch. V. Saint-Louis, Philippe le Bel et les derniers Capétiens directs, 1226–1328. Paris, 1982. P. 40–41, in: *Histoire de la France au Moyen âge / Sous la dir. d'E. Lavisse*. T. 4.

На деле же именно Людовик IX Святой, на мой взгляд, своими моральными достоинствами и нравственной политикой совершил кардинальный переворот, внося решающий вклад в построение сильного государства и в становление монархического культа во Франции. И не случайно его внук, Филипп IV Красивый, чье правление признано в историографии прорывом в становлении сильной королевской власти, всемерно возвеличивал своего деда: так, именно при нем завершился процесс канонизации Людовика IX, длившийся 27 лет. Филипп IV Красивый опирался на авторитет имени своего деда и на его славу для отстаивания интересов Франции — суверенитет власти короля, особенно в конфликте с папой Римским Бонифацием VIII, оформление идеологемы о богоизбранности Франции и ее народа, объявление страны «Землей Обетованной» и «новым Иерусалимом»¹⁰.

Уникальность вклада Людовика IX Святого заключается в неординарности его личности и в нестандартном поведении, которые способствовали упрочению монархической власти во Франции. Ведь процесс создания сильного государства, по справедливому наблюдению Н. А. Хачатурян, опирался не только на централизацию власти, но и на консолидацию страны — экономическую, социальную, политическую и культурную¹¹. При большом внимании этой монархии к сферам экономики, социума и политики, главным приоритетом в поведении короля стала область морали и нравственного христианского идеала верховной светской власти. Этот выбор «модели консолидации», который сделал Людовик IX Святой, руководствуясь собственными представлениями о морали и долге государя, определил в дальнейшем весь облик французской монархии. Получив от деда, Филиппа II Августа, богатое наследство — резко разросшееся королевство, он связал его в единое целое с помощью открытой приверженности морали и праву как опорам своей власти. Таким образом он сначала добивался авторитета и уважения, а потом и с опорой на них усиливал и расширял свою власть.

---

¹⁰ *Menache S.* Un peuple qui a sa demeure à part. Boniface VIII et le sentiment national français, in: *Francia*. 1985. Bd. 12. P. 193–208.

¹¹ *Хачатурян Н. А.* «Король — император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии, В кн: *Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время.* С. 84.

С формальной точки зрения Людовик IX был причислен к лику святых (последним из королей в Средние века) не за «королевскую службу», не за исполнение им долга государя, а за безупречный образ жизни христианина и за приверженность крестоносной идее, уже ослабевшей в обществе. Однако заметим, что сама по себе набожность, как и защита веры и церкви, были необходимым условием исполнения государем монаршего долга, где невозможно было отделить частное от публичного. И именно Людовик Святой явил миру образец «христианина на троне», доказав его реализуемость. В собранных в ходе канонизации свидетельствах центральное место занимали добрые дела короля: защита веры и церкви, поддержка нищенствующих орденов, строительство храмов, монастырей и богаделен, беспрецедентная по щедрости благотворительность, милосердие, личное смирение и т.д.¹² А это уже служило основанием для закрепления за французским монархом титула «христианнейшего короля», ранее относившегося только к императору.

Однако Людовик Святой и не был «мучеником за веру», а среди собранных в ходе канонизационного процесса свидетельств о достоинствах короля явственно проступает возникающее государство в виде специфического набора добродетелей короля *imago Dei*. Монарший долг определялся, со времени григорианской реформы, как царство мира и справедливости через гарантию отправления безупречного правосудия и защиты прав каждого сообщества и отдельного человека. Главной добродетелью и функцией короля отныне провозглашалось отправление им совершенного и справедливого суда¹³. «Справедливый король» — такова была центральная тема политической мысли средневекового Запада в XIII–XV вв. О фундаментальном месте правосудия в процессе построения централизованного государства, а также в поли-

¹² Документы канонизационного процесса Людовика IX были утеряны, однако в результате многолетних усилий Л. Каролюс-Барре сумел собрать все сохранившиеся свидетельства; труд был издан посмертно: *Carolus-Barré L. Le procès de canonisation de Saint Louis (1272–1297): Essai de reconstruction / Éd. H. Platelle. Rome, 1994.*

¹³ «Rex a recte regendo vocatur»; «Est enim corona facere justiciam et iudicium et tenere pacem» (См.: *Guenée B. L'Occident aux XIVe et XVe siècles. P. 139).*

тической мысли Средневековья и в идеологии монархического государства написаны библиотеки исследований¹⁴, поэтому далее уместно рассмотреть конкретно облик и политику Людовика Святого как модель справедливого и безупречного судьи.

Жак Ле Гофф, написавший монографию об этом монархе, в главе «Был ли Людовик Святой расчетлив?» задавался вопросом, насколько искренен был король в своих действиях: было ли его поведение убеждением следовать букве закона или хитростью, уловкой с целью привлечь к себе симпатии подданных? Автор приходит к выводу, что король был вполне искренен в своих действиях, более того, он не отделял политику от этики и был одновременно христианином — поборником справедливости, и создателем королевской юстиции¹⁵. Но и в противном случае, на мой взгляд, успех для строящегося государства был бы гарантирован. Казус Людовика Святого интересен именно редким совпадением «политических задач момента» и личных качеств правителя, явившего миру образец «правильного короля».

Людовик Святой при жизни единодушно почитался живым воплощением справедливости¹⁶. В ходе долгого процесса канонизации в большинстве собранных показаний свидетелей и в папской булле Бонифация VIII «Gloria, laus» 1297 г. фигурировала особая приверженность Людовика Святого справедливости и отправлению безупречного правосудия: подчеркивались доступность короля для жалоб подданных, его всегдашняя готовность быстро решить спорное дело, особая забота о делах бедных и сирот, равенство всех перед законом¹⁷. Ряд судебных дел, решенных самим королем, стали классикой «справедливого и равного для всех

¹⁴ Об особом месте права в реализации власти в средневековом обществе и о правосудии как факторе трансформации природы монархии — от патримониальной к публично-правовой см.: *Хачатурян Н. А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. С. 8–30; о правосудии как *raison d'être* королевской власти на первом этапе становления государства и о судопроизводстве как важнейшем инструменте монархической власти см.: *Strayer J. R.* Les origines médiéval de l'État moderne. P. 40–48.

¹⁵ *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001. С. 530–532.

¹⁶ *Folz R.* La sainteté de Louis IX, d'après les textes liturgiques de sa fête, in: *Revue d'histoire de l'Église de France.* 1971. Т. 57. No 158. P. 31–45.

¹⁷ *Carolus-Barré L.* Le procès de canonisation de Saint Louis. P. 270.

суда, невзирая на лица». Это процесс над бароном Ангерраном IV де Куси, чуть не поплатившимся жизнью за убийство двух незнатных юношей, охотившихся в его владениях; демонстративные и суровые, если не сказать жестокие, наказания за богохульства; казнь слуги короля за изнасилование публичной женщины; дела против злоупотреблений королевских балы и прево; наконец, три судебных процесса против собственного брата Карла Анжуйского. И самый поразительный пример — судебные процессы вокруг интересов самого короля «как персоны и как сюзерена», в которых Людовик вставал на противоположную от своих интересов сторону, вопреки мнению большинства советников и судей¹⁸. Людовик повторял, что «лучший суд — это публичный», при нем правосудие повсеместно отправлялось «принародно» и ни одного приговора не было исполнено в тайне. На упреки брата Карла Анжуйского в строгости суда Людовик заявил, что во Франции лишь один король, перед которым все равны, будь то брат или кто-то другой¹⁹.

При этом король был достаточно авторитарным и часто решал дела вопреки мнению судей и даже в нарушение обычая, если считал его «дурным» или противоречащим естественному праву²⁰. И одновременно Людовик Святой был последовательным защитником «добрых» обычаев как «свобод народа» и основ права, если они не противоречили его представлениям о справедливости. Приведу один показательный эпизод, который редко упоминается в данном контексте, но где ясно проглядывает уважение Людовиком Святым существующего правопорядка. Согласно свиде-

¹⁸ *Carolus-Barré L.* Le procès de canonisation de Saint Louis. P. 33, 79–87.

¹⁹ «la justice des malfaiteurs fût rendue publiquement devant le peuple et que quelle sentence ne fût exécutée en secret»; «qu'il n'avait qu'un seul roi en France et qu'il ne devait pas croire, parce qu'il était son frère, qui'il épargné contre droite justice en quoi que ce fût» (*Carolus-Barré L.* Le procès de canonisation de Saint Louis. P. 82–84).

²⁰ См. подробнее: *Hilaire J.* Saint Louis, souverain, juge et homme d'État, in: *Académie des Sciences et Lettres de Montpellier. Communication présentées en 2012. Séance publique du 5 mars 2012.* P. 105–108. Кстати, Людовик Святой первым из монархов предпринял успешную попытку кодификации кутюм при содействии своих юристов, в ходе которой обычаи не только записывались на основании «мнения людей», то есть с их одобрения, но и «очищались» от ненужных наслоений. См.: *Le siècle de Saint Louis.* Paris, 1970. P. 72.

тельствам, собранным Гийомом де Сен-Патю в ходе процесса канонизации, однажды король слушал проповедь доминиканца брата Ламбера на кладбище приходской церкви в Витри, но шум в соседней таверне заглушал слова и мешал слушать. Тогда Людовик спросил у присутствующих, кому принадлежит власть и юрисдикция в этом месте, а узнав, что ему самому, послал сержантов, чтобы они заставили там людей замолчать и не мешать слушать «слово Божие». Как заключил свидетель, если бы власть в этом месте принадлежала кому-то другому, король никогда бы не отдал такого приказа и не нарушил чужой юрисдикции²¹.

Самый востребованный в исторической памяти французов образ Людовика Святого-справедливого судьи — это картина сидящего под Венсеннским дубом или в саду перед Дворцом на острове Сите в Париже короля, готового выслушать любого подданного с его жалобой и быстро решить дело²². Однако заметим, что этот образ утвердился достаточно поздно: он не встречается ни у одного из современников, кроме Жана де Жуанвиля, вновь возникает лишь в XVII в. и приобретает популярность в XVIII–XIX вв. как яркий контраст с разветвленной бюрократической системой судопроизводства. Но заметим, что и Жуанвиль написал свои «мемуары» уже после канонизации Людовика (закончил их в 1309 г.), так что они тоже явно носят «ностальгический характер», прежде всего, скрытое осуждение методов правления внука Людовика Святого, Филиппа Красивого, и засилья во власти правоведов и юристов²³.

И действительно, что в этом образе государя, лично вершащего суд, было такого необычного? Личный суд сеньора — это старый феодальный обычай, норма. Почему же Жуанвиль дважды пишет об этом? Очевидно, что этот образ окрашен у него в ностальгические тона, когда правосудие уже едва ли не целиком находится в руках профессионалов — юристов и практиков судопроизводства. Но, заметим, что и в описании Жуанвиля, Людовик судит уже не сам, не один, а в присутствии легистов, советников-

---

²¹ *Carolus-Barré L.* Le procès de canonisation de Saint Louis. P. 88–89.

²² *Жан де Жуанвиль.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб., 2007. С. 21–22.

²³ *Beaune C.* Naissance de la nation France. Paris, 1985. P. 206–207.

профессионалов, которым он и поручает рассмотреть то или иное дело. По сути, он, принимая жалобы и давая поручения своим советникам-юристам решить спор, лишь демонстрирует преимущества юстиции суверена перед судопроизводством его вассалов и тем самым легитимирует и насаждает в обществе королевское делегированное правосудие, которое отныне вершат «именем короля» судьи в столице и на местах²⁴.

А поскольку для образцового судопроизводства нужны образованные и честные служители, Людовик Святой не только окружил себя опытными легистами, он постоянно заботился о качестве своей администрации. Собираясь в крестовый поход и для его успеха стремясь «очистить совесть», король создал комиссию ревизоров-реформаторов, которые с 1247 г. в течение полутора лет ездили по всему королевству, собирали жалобы на королевских чиновников, разбирали их и наказывали провинившихся служителей. Эта акция стала истоком института ревизоров-реформаторов, который отныне будет частью государственного аппарата. Вернувшись из крестового похода, король в 1254–1256 гг. издал серию указов «об улучшении состояния королевства», направленных на создание образцовой королевской администрации. Важно обратить внимание, что в устанавливаемых нормах «кодекса добропорядочного поведения функционеров» (по выражению Ж. Ле Гоффа) содержались требования к чиновникам не только профессионального, но и морального свойства²⁵. Эталоном «правильного выбора» королем своего чиновника считалось назначение Этьена Буало королевским прево Парижа: вместо традиционной передачи должности через откуп, считавшейся в обществе источником злоупотреблений и нарушением духа права, король ввел систему назначения чиновника на жалованье и на определенный срок. Успехи Этьена Буало в восстановлении порядка и мира в Париже явились доказательством справедливости избранного королем способа отбора служителей короны.

---

²⁴ На этот аспект первым обратил внимание Ж. Ле Гофф. См.: *Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой*. С. 531.

²⁵ *Цатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV вв.* С. 78–79, 92–93.

При всей важности моральных достоинств короля для повышения авторитета его власти, нельзя не признать, что Людовик Святой реально содействовал становлению институтов королевского правосудия во Франции. Прежде всего, хотя личный суд короля позиционировался как наилучший, поскольку был беспристрастным, быстрым и доступным для всех, Людовик был глубоко привержен новой для своего времени чисто судебной процедуре и всячески способствовал ее продвижению в обществе. Этому призваны были содействовать вводимые указами от 1245 и 1258 гг. так называемые сорок дней короля, когда спорящие стороны могли прибегнуть к третейскому суду монарха, и тем самым сужались возможности ведения частных войн между сеньорами. Этими «революционными» указами король запрещал ведение частных войн и даже ношение оружия, нанеся сокрушительный удар по прежним рыцарским традициям с их опорой на насилие. Следующим не менее революционным шагом Людовика Святого явился запрет решать споры при помощи «Божьего суда» — судебного поединка, который также был своеобразной формой апелляции или опротестования судебного приговора. Отменив в 1258–1260 гг. судебные поединки (своего рода ордалии) как способ разрешения споров, король заявлял, что «поединок — это не правовой путь», и продвигал как альтернативу судебный процесс со сбором доказательств, опросом свидетелей и т.д.²⁶ Тем самым он всячески стимулировал обращения с апелляциями в королевские суды, демонстрируя, что суд короля лучше любого иного суда. Право оспорить судебный приговор всех уровней в верховном королевском суде и процедура апелляций сыграли решающую роль в расширении судебных полномочий короны Франции и становлении сильного монархического государства. А моральные достоинства короля как образцового справедливого судьи способствовали решительному перелому, и апелляции рекой полились в верховный суд королевства.

Таким образом, своей политикой и авторитетом Людовик Святой способствовал становлению верховного суда королевства — Парламента в Париже и расширению его власти. Именно

---

²⁶ «bataille n'est pas voie de droit» (*Carolus-Barré L.* Le procès de canonisation de Saint Louis. P. 80). Текст ордонанса см.: *Le siècle de Saint Louis*. P. 218–219.

при Людовике Святом Парламент отделяется от Королевской курии, о чем свидетельствует появление с 1239 г. самого слова «Pallamentum» для обозначения специальных судебных заседаний Королевского совета (с 1253 г. «Совета короля в Парламента»), а также выделение около 1268 г. отдельного помещения для этих заседаний в здании Дворца на острове Сите. При нем же появляются и первые официальные регистры Парламента, начатые секретарем Жаном де Монлюсоном в 1263 г. для удобства ведения судебных дел, но получившие санкцию короля. Кстати, эти первые четыре регистра парламентских протоколов — так называемые *Olim*'ы — красноречиво начинаются с дел, датированных 1254 г., временем возвращения Людовика Святого из крестового похода. Сам же архив стал фундаментом власти и авторитета Парламента, позиционируемый его служителями как «память государства». Важно подчеркнуть, что, согласно недавно составленному указателю к этим первым четырем регистрам верховного суда, Людовик, действительно, регулярно председательствовал на заседаниях Парламента и лично судил там дела — чаще, чем кто бы то ни было после него²⁷.

Наконец, именно при Людовике Святом возникает то подлинное «царство юристов», каким «славилась» Франция, а право и суд начинают преобладать в инструментах властвования и в общественных ценностях. Возникают первые династии служителей короны, создается собственная юридическая школа, основанная на соединении обычного и римского права. Поэтому вполне обоснованно судейский корпус считал именно Людовика Святого отцом-основателем Парламента и своим небесным покровителем²⁸. И неудивительно, что правоведы и судейские чины веками поддерживали культ Людовика Святого. Например, когда в XVII в. при Людовике XIII возрождался культ святого предка, — тем более что между двумя Людовиками прослеживалось много аналогий — мать иностранка, юнец на троне и т.д., — но уже как прототип абсолютного монарха в моральном смысле слова, трактаты писали правоведы и парламентарии, которые предоставили и необходимые

²⁷ *Hilaire J.* Saint Louis, souverain, juge et homme d'État. P. 102–103.

²⁸ Подробнее об этом см.: *Цатурова С. К.* Людовик IX Святой — отец правосудия, В кн.: *Средние века.* М., 2013. Вып. 74 (3/4). С. 344–362.

материалы. Так, не случайно выдающийся юрист и адвокат Парламента Антуан Луазель владел рукописью полузабытого к тому времени трактата Жана де Жуанвиля и предоставил его, когда идеологам абсолютизма понадобилось подкрепить «Наставлениями сыну» Людовика Святого образ короля как патрона государства²⁹.

Людовик IX уже при жизни почитался святым, более того, слыл самым могущественным государем, даже выше императора, а после смерти Фридриха II в 1250 г. по авторитету занял его место³⁰. Знаком успешности политики Людовика Святого стало приоритетное положение Франции в Западной Европе того времени, единство которой он воссоздал, но на новых условиях³¹. Франция заняла центральное место внутри Запада, ее называли «вторыми Афинами», ее язык соперничал с латынью по распространенности и авторитету. Легисты и идеологи монархии создают новый культ Франции, где наряду со священным елеем при миропомазании французских королей знаками Божественной избранности королевства провозглашаются царящие здесь милосердие, правосудие и знание.

Ярким выражением этого приоритета французской монархии явилась роль Людовика Святого как арбитра в спорах европейских правителей и даже между правителями и их подданными. Достаточно упомянуть в этом контексте обращение к нему английских подданных в конфликте с королем Генрихом III (так называемая Амьенская миза). Слава Людовика Святого перешагнула пределы Западной Европы, и даже хан Сартак знал, кто самый главный правитель на Западе. Эта же слава короля легла в основу вырабатываемых позднее легистами и идеологами теорий о превосходстве французской монархии, о величии королей Франции, об их

²⁹ Bourreau A. Les enseignements absolutistes de Saint Louis, 1610–1630. P. 88–91.

³⁰ Впервые эта развернутая идеологическая концепция была осуществлена в «хранилище исторической памяти» Франции, в аббатстве Сен-Дени, где создавались Большие Французские хроники. Под пером Гийма из Нанжи возник образ Людовика Святого как идеального правителя Запада, занявшего место императора. См.: Chazan M. Guillaume de Nangis et la translation de l'Empire aux rois de France, in: *Saint-Denis et la royauté*. Études offertes à Bernard Guenée. Paris, 1999. P. 463–480.

³¹ Достаточно напомнить в этой связи слова английского хрониста Мэтью Пэриса о Людовике Святом как «короля королей» («rex Francorum, qui terrestrium rex regum est»).

могуществе и благородстве. Титул «христианнейшего короля», полученный Людовиком Святым от римского престола за свои добродетели, а также за защиту веры и церкви, но главное, за верность крестоносной идее, был окончательно закреплен за французскими монархами во второй половине XV в.³²

После канонизации в 1297 г. Людовик стал «патроном» Франции, ее небесным покровителем и заступником, что также способствовало сакрализации избранного им способа правления. Тень Людовика Святого со временем неуклонно росла и осеняла своим авторитетом строящееся государство. Явленный им идеал короля снискал любовь подданных, причем из всех сословий общества, и веками обеспечивал их лояльность монархии, а это, в свою очередь, гарантировало устойчивость государства, выстоявшего в грядущих тяжелых испытаниях эпохи Столетней войны. «Свой» святой король отныне во Франции успешно конкурировал даже с Карлом Великим, правителем *par excellence* Средневековья: так, в судебных разбирательствах в Парламенте начала XV в. имена обоих правителей упоминались почти на равных: Карл Великий — 9 раз, Людовик Святой — 8 раз³³.

Именно при нем и благодаря ему правосудие превращается во Франции в «королевскую добродетель». Судебная и монархическая символика соединяются во Франции в неразрывную связь³⁴. Французская монархия отныне опирается на судебную власть как на мощный стимул роста. Суд становится знаком превосходства Французского королевства, возникает мифологема о Франции как «родине правосудия», где ищут справедливости даже иноземные народы³⁵. Знаком отличия Франции объявляется уникальная коро-

³² Малинин Ю. П. Франция в эпоху позднего средневековья. С. 246–247.

³³ Demurger A. L'histoire au secours de la chicane: la place de l'histoire dans les procès au Parlement au début du XVe siècle (1419–1436), in: *Journal des savants*. 1985. No 4. P. 231–312.

³⁴ Обращая внимание на эту важную особенность французской монархии, Р. Жакоб констатирует отсутствие серьезных исследований по данной теме. См.: *Jacob R. Images de la justice: Essai sur l'iconographie judiciaire du Moyen âge à l'âge classique*. Paris, 1994. P. 15.

³⁵ Цатурова С. К. «Франция родина правосудия»: Институционализация патриотизма, В кн.: *Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время*. С. 77–93.

левская инсигния — длань правосудия, которая возводится к Людовику Святому. В целом, именно правление Людовика Святого стало истоком возникновения правового и так называемого судебного государства как главного отличия Франции³⁶. Эта удивительная преемственность институтов и идеологием, пережившая монархию, обеспечила Людовику Святому, сидящему под Венсенским дубом, почетное место в национальной истории Франции и в исторической памяти французов.

Информация о статье

Цатурова, С. К. Под сенью Людовика Святого: этико-правовые основы монархического культа во Франции, В кн: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2016. Вып. 2 (14). С. 45–64.

Сусанна Карленовна Цатурова

д. и. н., ведущий научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории Российской Академии наук (119334, Россия, Москва, Ленинский проспект 32А) tsatourova@mail.ru

УДК 94(44).023

В статье обращается внимание на роль морально-нравственного компонента в построении структуры и идеологии монархического государства. Такой аспект связан с новым подходом к изучению политической истории, обозначившимся во второй половине XX в. под влиянием исторической антропологии. Согласно этому подходу процесс усиления монархической власти включает в себя как один из важных факторов чувства и симпатии людей, их добровольную готовность подчиняться верховной светской власти, доказавшей свои преимущества. Наиболее ярким образцом прямой связи успехов монархического государства с нравственными достоинствами правящего монарха является фигура короля Франции Людовика IX Святого, который способствовал радикальному повышению авторитета монархии и установлению приоритета французского королевства в Западной Европе. На основе изучения свидетельств очевидцев, собранных в ходе канонизационного процесса, и записок современников в статье показано, как моральные достоинства и избранные Людовиком

---

³⁶ О французской монархии как типе не просто правового, а именно судебного государства см.: *Krynen J. L'État de justice. France, XIIIe–XXe siècle*. 2 vols. Paris, 2009–2012.

Святым приоритеты в политике способствовали усилению государства и складыванию монархического культа во Франции позднего Средневековья. Король слыл не только воплощением идеала христианина на троне, он сделал основой своей политики защиту права и справедливости через отправление образцового правосудия. Образом короля-идеального судьи стала картина сидящего под Венсенским дубом Людовика Святого, лично вершащего суд, быстрый и беспристрастный. Он отменил судебные поединки и позволил каждому апеллировать к королевскому суду, благодаря чему во Франции приоритетным стал судебный процесс, возросла роль знатоков права, верховный суд королевства — Парламент в Париже — окончательно выделился из Королевской курии. Правоведы и юристы веками поддерживали культ Людовика Святого, основой которого стал приоритет морали в соединении с правом.

Ключевые слова: Людовик IX Святой, Франция в позднее Средневековье, централизованное государство, правосудие, монархическая идеология

Information on the article

Caturova, S. K. Pod sen'yu Lyudovika Svyatogo: Etiko-pravovye osnovy monarkhicheskogo kul'ta vo Frantsii [In the shade of King Saint Louis: Ethical and legal foundations of the monarchical cult in France], Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture. 2016. Vol. 2 (14). P. 45–64.

Susanna Karlelovna Caturova

Doctor of history, leading research fellow, Department of Medieval and Early Modern History, Institute of World history, Russian Academy of Sciences (119334, Rossiya, Moskva, Leninskiy prospekt 32A)
tsatourova@mail.ru

The article analyses the role of the moral and ethical bases in the emergence of the monarchical state and ideology. This approach of research is based on the new political history born in the second half of the XXth century under the influence of the historical anthropology. In this context the subjects' feelings and emotions, their voluntary willingness to submit to the supreme secular power, that proved its advantage, contribute to the consolidation of the monarchy. King St Louis was the model of an ideal monarch who furthered the success of the French royal state emergence. His rule contributed to the rise of the state authority and the beginning of priority of the Kingdom of France in the Late Medieval Western Europe. The study demonstrates, how the royal moral dignities and political priorities created the monarchical cult in France. It was done on the basis of the canonization process's testimonies and the memoirs of

the contemporaries of King Louis IX. St Louis was a model of a Christian on the throne, who established his power on ideal justice and protection of law. The image of King as an ideal judge is embodied by Louis IX sitting under the Vincennes's oak and personally passing on judgments promptly and impartially for all. As a result of this royal politics the ordeals were substituted by the trials, the era of lawyers began, the royal Supreme Court, the Parliament of Paris, was separated from the *Curia Regis*. Owing to his dignities St Louis became the arbiter of Western Europe. In the centre of the French national exclusiveness propaganda was the cult of King Saint Louis, who was the first monarch that united law and moral as his political priorities.

Keywords: King of France Louis IX the Saint, France in the Late Middle Ages, centralized state, justice, royal religion

Список источников и литературы

Beaune, C. Naissance de la nation France. Paris: Gallimard, 1985. 574 p.

Bourreau, A. Les enseignements absolutistes de Saint Louis, 1610–1630, in: *La Monarchie absolutiste et l'histoire en France: Théories du pouvoir, propagandes monarchiques et mythologies nationales: Colloque tenu en Sorbonne les 26–27 mai 1986.* Paris, 1987. P. 79–99.

Carolus-Barré, L. Le procès de canonisation de Saint Louis (1272–1297): Essai de reconstruction / Éd. H. Platelle. Rome: École Française de Rome, 1994. 328 p.

Chazan, M. Guillaume de Nangis et la translation de l'Empire aux rois de France, in: *Saint-Denis et la royauté. Études offertes à Bernard Guenée, membre de l'Institut / Travaux reunis par F. Autrand, C. Gauvard et J.-M. Moeglin.* Paris: Publications de la Sorbonne, 1999. P. 463–480.

Demurger, A. L'histoire au secours de la chicane: la place de l'histoire dans les procès au Parlement au début du XVe siècle (1419–1436), in: *Journal des savants.* 1985. N. 4. P. 231–312.

Folz, R. La sainteté de Louis IX, d'après les textes liturgiques de sa fête, in: *Revue d'histoire de l'Église de France.* 1971. T. 57. N. 158. P. 31–45.

Guenée, B. L'Occident aux XIVe et XVe siècles: Les États. Paris: Presses Universitaires de France, 1993. 338 p.

Hilaire, J. Saint Louis, souverain, juge et homme d'État, in: *Académie des Sciences et Lettres de Montpellier. Communication présentées en 2012. Séance publique du 5 mars 2012.* P. 101–111.

Jacob, R. Images de la justice: Essai sur l'iconographie judiciaire du Moyen âge à l'âge classique. Paris: Le Léopard d'or, 1994. 256 p.

Krynen, J. L'État de justice. France, XIII–XXe siècle: 2 vols. Paris: Gallimard, 2009–2012. 326 p., 432 p.

Langlois, Ch. V. Saint-Louis, Philippe le Bel et les derniers Capétiens directs, 1226–1328, in: *Histoire de la France au Moyen âge, IIIe siècle – 1492 / Sous la dir. d'E. Lavissee.* Paris: Tallandier, 1982. T. 4. 433 p.

Menache, S. Un peuple qui a sa demeure à part. Boniface VIII et le sentiment national français, in: *Francia*. 1985. Bd. 12. P. 193–208.

Le siècle de Saint Louis. Paris: Hachette, 1970. 355 p.

Strayer, J. R. Les origines médiéval de l'État moderne / Trad. De l'américain par M. Clément. Paris: Payot, 1979. 156 p.

Бурдые, П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2008. 600 с.

Двор монарха в средневековой Европе: Явление, модель, среда / Под редакцией Н. А. Хачатурян. М.; СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофранц. Г. Ф. Цыбулько, под редакцией А. Ю. Карачинского, научный редактор перевода Ю. П. Малинин. СПб.: Евразия, 2007. 400 с.

Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. и сост. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2011. 503 с.

Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2004. 540 с.

Ле Гофф, Ж. Людовик IX Святой / Пер. с фр. В. И. Матузовой; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Ладомир, 2001. 800 с.

Малинин, Ю. П. Франция в эпоху позднего Средневековья. Материалы научного наследия / Сост., отв. ред. М. В. Аникиев, А. Ю. Карачинский, В. В. Шишкин. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 452 с.

Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. 484 с.

Хачатурян, Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 313 с.

Хачатурян, Н. А. «Король — император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии, В кн.: *Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время.* С. 66–88.

Цатурова, С. К. Людовик IX Святой — отец правосудия, В кн.: *Средние века.* М., 2013. Вып. 74 (3–4). С. 344–362.

Цатурова, С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М.: Наука, 2012. 622 с.

Цатурова, С. К. «Франция родина правосудия». Институционализация патриотизма, В кн.: *Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время.* С. 77–93.

Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Под ред. Н. А. Хачатурян. СПб.: Алетейя, 2015. 344 с.

References

- Beaune, C.* Naissance de la nation France. Paris: Gallimard, 1985. 574 p.
- Bourreau, A.* Les enseignements absolutistes de Saint Louis, 1610–1630, in: *La Monarchie absolutiste et l'histoire en France: Théories du pouvoir, propagandes monarchiques et mythologies nationales: Colloque tenu en Sorbonne les 26–27 mai 1986.* Paris, 1987. P. 79–99.
- Carolus-Barré, L.* Le procès de canonisation de Saint Louis (1272–1297): Essai de reconstruction / Éd. H. Platelle. Rome: École Française de Rome, 1994. 328 p.
- Chazan, M.* Guillaume de Nangis et la translation de l'Empire aux rois de France, in: *Saint-Denis et la royauté. Études offertes à Bernard Guenée, membre de l'Institut / Travaux reunis par F. Autrand, C. Gauvard et J.-M. Moeglin.* Paris: Publications de la Sorbonne, 1999. P. 463–480.
- Demurger, A.* L'histoire au secours de la chicane: La place de l'histoire dans les procès au Parlement au début du XVe siècle (1419–1436), in: *Journal des savants.* 1985. N. 4. P. 231–312.
- Folz, R.* La sainteté de Louis IX, d'après les textes liturgiques de sa fête, in: *Revue d'histoire de l'Eglise de France.* 1971. T. 57. N. 158. P. 31–45.
- Guenée, B.* L'Occident aux XIVe et XVe siècles. Les États. Paris: Presses Universitaires de France, 1993. 338 p.
- Hilaire, J.* Saint Louis, souverain, juge et homme d'État, in: *Académie des Sciences et Lettres de Montpellier. Communication présentées en 2012. Séance publique du 5 mars 2012.* P. 101–111.
- Jacob, R.* Images de la justice: Essai sur l'iconographie judiciaire du Moyen âge à l'âge classique. Paris: Le Léopard d'or, 1994. 256 p.
- Krynén, J.* L'État de justice. France, XIIIe–XXe siècle: 2 vols. Paris: Gallimard, 2009–2012. 326 p.; 432 p.
- Langlois, Ch. V.* Saint-Louis, Philippe le Bel et les derniers Capétiens directs, 1226–1328, in: *Histoire de la France au Moyen âge, IIIe siècle – 1492 / Sous la dir. d'E. Lavissee.* Paris: Tallandier, 1982. T. 4. 433 p.
- Menache, S.* Un peuple qui a sa demeure à part. Boniface VIII et le sentiment national français, in: *Francia.* 1985. Bd. 12. P. 193–208.
- Le siècle de Saint Louis. Paris: Hachette, 1970. 355 p.
- Strayer, J. R.* Les origines médiéval de l'État moderne / Trad. De l'américain par M. Clément. Paris: Payot, 1979. 156 p.
- Burd'e, P.* Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of social space]. Moskva; Sankt-Peterburg: Aleteyya, 2007. 288 s. (in Russian)
- Khachaturyan, N. A.* (Ed.). Vlast', obshchestvo, individ v srednevekovoy Evrope [Power, society, individual in Medieval Europe]. Moskva: Nauka, 2008. 600 p. (in Russian)

Khachaturyan, N. A. (Ed.). Dvor monarkha v srednevekovoy Evrope: Yavlenie, model', sreda [Royal court in Medieval Europe. Phenomenon, model, environment]. Sankt-Peterburg: Aleteyya, 2001. 352 p. (in Russian)

Zhuanvil', Zhan de. Kniga blagochestivyykh recheniy i dobrykh deyaniy nashogo svyatogo korolya Lyudovika [The book of holy speeches and of good acts our saint king Louis]. SPb.: Evrasija, 2007. 400 p. (in Russian)

Khachaturyan, N. A. (Ed.). Imperii i etnatsional'nye gosudarstva v Zapadnoy Evrope v Srednie veka i rannee novoe vremya [Empires and ethnonational states of Western Europe in the Middle Ages and Early Modern Period]. Moskva: Nauka, 2011. 503 p. (in Russian)

Khachaturyan, N. A. (Ed.). Korolevskiy dvor v politicheskoy kul'ture srednevekovoy Evropy [Royal court in political culture of Medieval Europe]. Moskva: Nauka, 2004. 540 p. (in Russian)

Le Goff, Zh. Lyudovik IX Svyatoy [Saint Louis]. Moskva: Lodomir, 2001. 800 p. (in Russian)

Malinin, Ju. P. Frantsiya v epokhu pozdnego Srednevekov'ya. Materialy nauchnogo naslediya [France in the period of Late Middle Ages]. SPb.: SpbU Publ., 2008. 452 p. (in Russian)

Khachaturyan, N. A. (Ed.). Svyashchennoe telo korolya: Ritualy i mifologiya vlasti [Sacred body of the King. Rituals and Mythology of Power]. Moskva: Nauka, 2006. 484 p. (in Russian)

Khachaturyan, N. A. Vlast' i obshchestvo v Zapadnoy Evrope v Srednie veka [Power and society in Medieval Western Europe]. Moskva: Nauka, 2008. 313 p. (in Russian)

Khachaturyan, N. A. «Korol' — imperator v svoem korolevstve»... Politicheskii universalizm i tsentralizovannyye monarkhii [«King as the Emperor in his kingdom...». Imperial universalism and centralized monarchies], in: *Imperii i etnatsional'nye gosudarstva v Zapadnoy Evrope v Srednie veka i rannee novoe vremya.* Moskva: Nauka, 2011. P. 66–88. (in Russian)

Tsaturova, S. K. Lyudovik IX Svyatoy — otets pravosudiya [St. Louis IX — the father of justice], in: *Srednie veka.* Moskva, 2013. Vol. 74, N. 3–4. P. 344–362. (in Russian)

Tsaturova, S. K. Formirovanie instituta gosudarstvennoy sluzhby vo Frantsii XIII–XV vekov [The Formation of public service institution in France at XIII–XVth centuries]. Moskva: Nauka, 2012. 622 p. (in Russian)

Tsaturova, S. K. «Frantsiya rodina pravosudiya». Institutsionalizatsiya patriotizma [«Justice was born together with France». Instituting of Patriotism], in: *Khachaturyan, N. A.* (Ed.). *Etnosy i «natsii» v Zapadnoy Evrope v Srednie veka i rannee novoe vremya.* SPb.: Aleteyya, 2015. P. 77–93. (in Russian)

Khachaturyan, N. A. (Ed.). Etnosy i «natsii» v Zapadnoy Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya [Ethnothes and «nations» in Western Europe in the Middle Ages and the Early Modern time]. SPb.: Aleteyya, 2015. 344 p. (in Russian)